

История Эстонии в сталинских тисках

Антс Вийрес

В июне 1940 г., как известно, началась советская оккупация Эстонии и все, ей сопутствовавшее. Издательство Эстонского литературного общества как раз выпускало 3-й том «Истории Эстонии»: время владычества Швеции и Польши. Главным редактором книги был Ханс Круус, который сразу стал вице-премьером в марионеточном правительстве Йоханнеса Вареса-Барбаруса. Летом книга вышла, но ее содержание успели значительно откорректировать. Как выясняется из предисловия редакции, была выброшена предусмотренная заключительная глава: «Редакция решила перенести рассмотрение Северной войны, более значительно связывающей нашу историю с историей СССР, чем со шведской, в четвертый том, посвященный истории Эстонии в царское время до национального пробуждения». По-видимому, в новых условиях сочли неподходящим содержащийся в главе обзор тогдашних военных действий русских войск в Эстонии. Отмеченному обстоятельству сопутствовала «случайная» опечатка в оглавлении (с. IX): не было напечатано название главы «Право и суд» вместе с именем автора, дававшимся в скобках. Автор Юри Улуотс был, как известно, последним премьер-министром независимой Эстонии.

Вероятно, редакция во главе с Хансом Круусом, уже знала, как следует действовать. Положение в Советском Союзе, которое ха-

рактеризовала начавшаяся в середине 1930-х г. волна ужасающих массовых репрессий, от которых жестоко пострадали и российские эстонцы, было, благодаря журналистике, хорошо известно. Историки наверняка знали и о происходившем в это время перевороте в советской исторической науке.

Уже в 1934 г. товарищ Сталин и его ближайшие соратники Киров и Жданов разоблачили существенные недостатки в представлении советской истории в школьных учебниках, возложив вину на основного автора – Михаила Покровского (1868–1932), признанного марксистского историка и общественного деятеля. Началось шумное и безжалостное разоблачение покойного Покровского и его «школы», подстегиваемое очередными решениями ЦК партии и советского правительства в 1936 и 1938 гг. Итогом акции стало издание Академией наук СССР – как раз перед оккупацией Балтийских государств – двух объемных сборников: «Против исторической концепции М. Н. Покровского» (1939) и «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского» (1940). В 45-м томе «Большой советской энциклопедии» (1940) в многостраничной статье о Покровском детально разоблачались его ложные взгляды. В первом из названных сборников уничтожающую оценку исторических взглядов Покровского давала Анна Панкратова (1897–1957), специалист по истории русского рабочего движения и революции, которая еще в 1932 и 1934 гг. оценивала эти взгляды очень позитивно.¹ Вместо учебников русской истории Покровского в школе стали использовать учебники Панкратовой. В 1953 г. Панкратова была удостоена титула академика. Вскоре после этого, на рубеже 1950–60-х гг., началась постепенная «реабилитация» М. Покровского.

В чем же заключалась основная ошибка Покровского? В сложной международной обстановке 1930-х гг., когда в Германии к власти пришел фашизм и приближалась Вторая мировая война, наряду с пролетарским интернационализмом актуализировались традиции русского патриотизма и борьбы за свободу и независимость родины, что не укладыва-

¹ О. Д. Соколов. М. Н. Покровский и советская историческая наука. Москва, 1970, с. 15–17, 19–21.

Ректор Ханс Круус, секретарь ЦК КПЭ Николай Каротамм и «тов. Сталин» открывают новый советский университет в актовом зале Тартуского университета 30 сентября 1940 г. – Tartu Kommunist. 1940. 1. okt. Nr. 3.

лось в исторические взгляды Покровского.² За несколько месяцев до оккупации Эстонии близкий к эстонскому правительству журнал «Varamu» (1940, № 4) опубликовал статью Каарела Райдма «Советский патриотизм» об изменениях, происходивших в последнее время в официальной советской идеологии. Ее подглавка «Падение проф. Покровского» дает некоторое представление о деле. В интерпретации Покровского мало что оставалось от героической истории России. По Покровскому, историю скорее направляли внешние враги и махинации торгового капитала, чем великие люди и национальные герои. Даже причину Отечественной войны 1812 г. он видел не во вторжении Наполеона, а в жадности русского дворянства и махинациях торгового капитала. А русский народ был безнадежно отсталым в своем развитии. Настоящая история России началась лишь с Великого Октября.

Такая интерпретация истории была понятна в первые послереволюционные годы. Но она не позволяла воспитывать советский патриотизм, который должен был охватывать все народы СССР во главе с великим русским народом в эпоху укрепления советского строя. Историков должно было интересоваться лишь создание Российской империи, в котором действовали великие жестокие цари во главе с Иваном Грозным и Петром Великим и талантливые военачальники, и конечно, сам русский народ. Доставшуюся в наследие от

Российской империи «тюрьму народов» советский строй превратил в дружную семью братских народов.

Важным показателем перелома в понимании истории была, например, судьба романа Алексея Толстого «Петр Первый». Первый том романа вышел в 1929 г., а второй – в 1934 г., но государственной премии роман был удостоен лишь в 1941 г. При главенстве точки зрения Покровского, это было бы невозможно. После победоносного окончания войны с Германией в 54-ом томе «Большой советской энциклопедии» (1946) о произведении Толстого говорится, что главным героем романа является русский народ, воплощающий в жизнь свои исторические задачи, а самого Толстого называют певцом героических деяний русского народа, его исторического и государственного самосознания.

Во всяком случае, эстонским историкам нетрудно было в 1940 г. сделать важные заключения о тогдашней идеологической и научно-исторической обстановке в Советском Союзе. Проблемой, требующей самого срочного решения, было преподавание истории в школе. Ясно было, что в прежнем виде историю Эстонии, преподавать невозможно. Были запрещены все существовавшие учебники истории.³ Сразу же были переведены и изданы на эстонском языке «Учебные программы для средней школы. История» (135 с.) – объемное издание с длинными пояснениями,

² Там же, с. 18.

³ См. К.-О. Veskimägi. Nõukogude unelaadne elu. Tsensuur Eesti NSV-s ja tema peremehed. Tallinn, 1996, lk. 118.

выпущенное в СССР в 1939 г. На основании этой программы в составленные в срочном порядке учебные программы переходного периода, утвержденные наркомом образования Ниголем Андресеном 6 сентября 1940 г., вошло изучение истории СССР в III–VI классах средней школы. Для этого начали переводить учебник истории Советского Союза в трех частях под редакцией А. Панкратовой, который сразу сдавали в печать отдельными тетрадями, чтобы быстрее начать использовать его в школе. Первая тетрадь под редакцией профессора Пеэтера Тарвеля, третья часть которой была посвящена самой актуальной теме – XX веку, – вышла из печати уже в конце октября 1940 г. Весной следующего года был издан объемный университетский учебник «Новое время I: от Французской буржуазной революции до франко-германской войны и парижской коммуны (1789–1870)» под редакцией профессора Е. Тарле и др.

В декабре 1940 г. в Тарту был организован семинар повышения квалификации учителей истории, где были представлены новые взгляды на историю Эстонии (*Noorte Hääl* 25.12.1940, № 82). По данным газеты, упор делался на древней истории, о чем говорил магистр Хуго Ребане. В частности, он подчеркнул, что битвы в Эстонии уже в древности следует рассматривать в контексте классовой борьбы, целью которой была эксплуатация поверженного противника. Следует обращать внимание на все восстания угнетенных, подчеркивая также значение Ледового побоища 1242 г. на Чудском озере, которое остановило вторжение Ливонского ордена на восток.

Когда у Ребане спросили, почему в учебнике Панкратовой осада и защита Тарту в 1224 г. изображена «как чисто русская борьба против немцев», он отметил, что это досадная ошибка, но нельзя забывать, что у Тарту и Уганди в те времена были тесные связи с соседями – русскими. Эта «ошибка» осталась неисправленной и в 1-й части вышедшей в начале 1941 г. «Истории СССР», поскольку сообщения старинной хроники о том, что киевский князь Ярослав Мудрый, покорив в военном походе 1030 г. Уганди, создал на месте его центра – Тарту – свой город под названием Юрьев, русские историки интерпретировали в том

смысле, что город оставался русским до захвата немцами. Соответственно в учебнике (с. 119) и во всех его изданиях до 1950-х гг. читаем: «В 1224 г. рыцари напали на русский город Юрьев. В нем правил князь Вячко. Немцы осадили Юрьев осадными машинами, подкатили к городу деревянную осадную башню и пробили основания стен. [...] Юрьев пал: началась бойня. Немцы окружили город и никого не выпускали живым. Погиб и князь Вячко. Немцы называли город Юрьев Дерптом (сейчас – Тарту)». Напомним, что в хрониках Хенрика этот город называется по-эстонски Тарбата (и Дарбете, отсюда немецкое Дорпат).

Вместо приостановленного «Исторического журнала» (*Ajalooline Ajakiri*) в начале 1941 г. начал выходить «Журнал истории» (*Ajaloo Ajakiri*) под редакцией вышеупомянутого Х. Ребане. В первом номере в связи с предстоящими выборами в Верховный совет СССР был опубликован соответствующий призыв, подписанный преподавателями истории Тартуского университета и работниками Центрального государственного архива ЭССР, после которого редакция со своей стороны прибавила: «Интересы историков-марксистов направлены не только на прошлое, но и на будущее. Их главным интересом и задачей является не бессильное и бесцельное любование прошлым и копание в его бесчисленных мелочах, а современный социалистический созидательный труд во всей его полноте, для создания и укрепления основ которого они готовы собирать камни и осколки прошлого». Затем последовала руководящая статья «В начале новой эпохи». Она указывала цели советского исторического исследования и была написана Хансом Круусом, назначенным ректором Тартуского университета. Статья начиналась с тезиса о том, что произошедшая революция внесла небывалые переломные изменения «в нашу историческую науку, где идеология строительства нового общества предьявляет особые новые и обширные требования», и заканчивалась выражением радости от того, что новая работа историков может проходить «[...] в эпоху, когда историческая наука Великой Социалистической страны пережила детские болезни первых лет революции, и в результате работы

последних лет советская историческая наука может пользоваться великими свершениями, достойными подражания», в первую очередь «научно-историческим шедевром» – Кратким курсом истории ВКП(б). Этот последний уже осенью 1940 г. вышел на эстонском языке тиражом в 25 000 экземпляров, весной 1941 г. последовало второе такое же издание.

Круус пояснял, что крупнейшей переоценке должна подвергнуться история Эстонии, при этом важно изменить как методику, так и тематику исследований. Эклектичную методику должен заменить марксистский диалектический метод, при этом тематические предпочтения отдаются «экономическим проблемам народных масс, социальным брожениям и политическим поискам», особенно же совершенно заброшенным в буржуазные годы «революционным стремлениям трудового народа и коммунистической партии». Период с 1917 г. должен «занять первое место в наших научно-исторических разработках». Необходимо также новая единая периодизация истории Эстонии на основании реальной смены общественно-экономических формаций, поскольку до сих пор: «Одни периоды определялись исходя из политических предпосылок, другие – на основании экономических признаков, третьи – на основании социальных изменений». Особым же новшеством в изучении и преподавании нашей истории является история народов СССР. «С той же любовью, с которой мы привыкли рассматривать историю нашей малой родины Эстонии, мы должны рассматривать и изучать и прошлое народов всего Советского Союза. И в качестве помощи в воспитании [NB!] советского патриотизма этот предмет важен на всех ступенях наших школ, и в программе свободного образования. [...] Особенно поучительно изучение истории народов СССР для эстонского народа, чтобы понять выпавшую на его долю в прошедшее полугодие политическую судьбу и оценить новую ситуацию». Указанные здесь направления исследований преобладали и в послевоенной Советской Эстонии, когда к ним прибавилось категорическое требование освещения исконной дружбы эстонского и русского народов.

В нескольких номерах журнала, успевших выйти до войны, статей, напрямую

переоценивающих историю Эстонии, не нашлось. К годовщине Красной армии Х. Круус опубликовал в газете «Noorte Nääl» (23.02.1941) большую статью «Роль эстонских белогвардейцев в иностранной военной интервенции и гражданской войне против страны Советов», в которой объяснял, что «вспыхнувшая в конце 1918 г. война была ясно выраженной классово-войной» и что заключение Тартуского мирного договора «окончательно прорвало кольцо, созданное западно-европейским империализмом вокруг рабоче-крестьянского государства», причем уже тогда Ленин пророчески отметил, «что эти отступления не вечны, что рабочие Эстонии вскоре заметят низость своих правителей, свергнут свое буржуазное правительство и создадут Советскую Эстонию, которая заключит с нами новый мир. [...] Это пророчество теперь свершилось». Та же статья была опубликована и в газете «Nõukogude Õpetaja» (*Советский учитель* 28.02.1941).

В связи с резкой сменой взглядов Ханса Крууса стоит вспомнить его статью «Об идее исторического призвания эстонского народа» («Eesti Üliõpilaste Seltsi album XI» – «Альбом Общества эстонских студентов», 1940, с. 7–23), опубликованную за несколько месяцев до начала советской оккупации. Автор статьи подчеркивал, что необходимая эстонцам, как маленькому народу, идея исторического призвания, которая позволит ему сохраниться, может быть выражена словами Якоба Хурта «мощь в делах духа», что означает всестороннее успешное развитие национальной культуры. В то же время автор отмечает: «Политика – самая активная и интересная артерия народной жизни. И невозможно существование демократического общества, если эта артерия отключена от мира идей и чувств общества и каждого его члена, если эту политику только «делают» и «руководят» ею откуда-то со стороны, а народу приходится в этом смысле питаться лишь крохами фраз, падающими со «стола богача». «Молчание» [во время авторитарного режима Константина Пятса в конце 1930-х гг. – *А. В.*] не способствовало политическому росту нашего общества, оставив весьма тяжелое наследие, которое будет еще долго сказываться».

Если теперь вспомнить тогдашнюю Европу, где властвовали крупные тоталитарные государства, втягивающие в свою орбиту и малые страны, мы, возможно, лучше поймем ход мысли Ханса Крууса. В безвыходной ситуации между двумя воплощениями зла – нацистской Германией и советской Россией, причем в обеих странах политику только «делали» и «руководили» ею сверху, – чаша весов неизбежно должна была склониться в сторону последней. В России, по крайней мере, декларировали «национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру». Кроме того, нельзя забывать и изначально левое мировоззрение и давнюю германофобию Крууса. Последняя была тогда, кстати, присуща большинству эстонцев. К сожалению, выбор приходилось делать в самый ужасный период сталинизма, что не обещало ничего хорошего. Политические указания и распоряжения сталинизма стали (под страхом смерти) основанием для всей дальнейшей общественной деятельности.

Но сначала свою разрушительное и убийственное дело сделала в Эстонии война, принесшая три года немецкой оккупации, когда для школ приспособили и напечатали учебники истории 1930-х гг. (учебники для начальной школы Ю. Парийыги и др., гимназические учебники Йоханнеса Адамсона, Пауля Хиннова и др.). Продолжилось и серьезное изучение истории Эстонии, в результате чего в Финляндии были изданы две книги: обзор периода советской оккупации в Эстонии Яана Сийраса «*Viro Neuvostokurimumksessa*» («Эстония в советском круговороте», 1942) и «*Viron historia*» («История Эстонии», 1944) М. Оямаа, А. и Т. Вармас, в которой для финских читателей приводились множественные параллели с финской историей. По моему мнению, последняя книга – один из лучших обобщающих трудов по истории Эстонии. Под тем же названием эта книга была издана в 1946 г. и на эстонском языке в Швеции в несколько отредактированном тамошними историками-эмигрантами виде: была добавлена заключительная глава о двух последо-

вавших одна за другой оккупациях. Книгу открывало посвящение финскому историку А. Р. Цедербергу, учителю молодых эстонских историков (он был в 1919–1928 гг. профессором истории Тартуского университета).

Авторы обеих книг выступали под псевдонимами. Настоящего автора первой книги советские следственные органы вскоре выяснили, и Аугусту Аннисту пришлось отсидеть в тюрьме с 1945-го по 1951 г., а потом некоторое время обходиться без постоянного места работы. Основной автор второй книги, профессор Харри Моора, стал известен лишь несколько десятилетий спустя.⁴

В самой Эстонии в конце немецкой оккупации Эстонским самоуправлением было издано тиражом в 25 000 двухтомное обзорное произведение о советской оккупации «*Eesti rahva kannatuste aasta*» («Год страданий эстонского народа», 1943, 797 с.). Авторы и составители предусмотрительно остались неназванными.

Когда же осенью 1944 г. Эстония в ходе боев стала снова советской, страна была разорена, города разрушены, десятки тысяч жителей бежали на Запад, тысячи молодых мужчин погибли или пропали на фронтах, или политически запятнали себя в немецких мундирах, тысячи скрылись в лесах. Сразу начались аресты и жестокая борьба с «лесными братьями», были перекрыты возможности получения зарубежной информации, но в то же время развивалась и масштабная работа по восстановлению нормальной жизни. Поначалу даже показалось, что в результате некоторых идеологических послаблений военного времени политическая атмосфера в Советском Союзе стала по сравнению с прошлым несколько свободнее. Обстановка резко изменилась менее чем через два года, когда в августе 1946 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», за которым последовал ряд аналогичных постановлений в области культуры. Снова начался сильнейший идеологический террор, сопровождавшийся безудержным

⁴ См. ньюйоркская *Vaba Eesti Sõna* 18.01.1962 (Sensatsiooniline ärähüppamine Soomes). Cp: A. Marksoo. *Nõukogude luureorganitega seotud ajalugu ja allikakriitika*. Harri Moora juhtumi näitel. – *Ajalooline Ajakiri* 1999, nr. 3/4, lk. 127.

очернением противников со всеми вытекающими отсюда последствиями. За несколько лет дела снова вошли в «правильные» сталинские рельсы.

Ханс Круус сделал в начале войны единственно верный шаг – эвакуировался в советский тыл, где по линии антинемецкой пропаганды организовал для тамошней эстонской общины в числе прочего грандиозное празднование 600-летия восстания Юрьевой ночи (1343). Вернувшись в Эстонию, он осенью 1944 г. недолго занимал пост ректора Тартуского университета, затем был назначен народным комиссаром иностранных дел Эстонской ССР и вскоре по распоряжению из Москвы стал организовывать Академию наук Эстонской ССР, после основания которой в 1946 г. стал ее президентом.

Состояние исторической науки в послевоенное время было не лучшим. Уже в 1939 г. в ходе репатриации немецкого населения из Эстонии уехал специалист по средневековью Пауль Йохансен. Отто Лийв и Хендрик Сепп умерли во время немецкой оккупации. Многие известные историки (Эвальд Блумфельд, Юхан Васар, Арнольд Соом, Эрик Тендер) бежали на Запад. Приходилось начинать почти на пустом месте. Но уже осенью 1944 г. удалось укомплектовать в Тартуском университете три исторические кафедры, призвав на помощь учителей истории из средних школ (Яан Конкс, Юлиус Мадиссон): 1) истории Советского Союза – доцент Рихард Клейс (заведующий) и Я. Конкс; 2) общей истории – профессор Пеэтер Тарвель (заведующий) и доцент Ю. Мадиссон; 3) истории Эстонии – профессор Х. Круус (заведующий), доценты Артур Вассар (до тех пор занимавшийся, главным образом, археологией) и Хуго Ребане. Кафедрой археологии стал руководить проф. Харри Моора.

Ребане из-за тяжелой болезни (туберкулез) осенью 1945 г. вынужден был отказаться от работы. П. Тарвеля арестовали весной того же года, сослали в Сибирь, где он умер в 1953 г. Вместо него кафедру общей истории возглавил доцент Мадиссон, а в марте 1945 г. к нему при-

бавилась доцент Хильда Моосберг, учившаяся в 1920-х гг. в Ленинграде в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада. Когда весной 1946 г. в университете впервые открыли трехлетнюю аспирантуру для подготовки ученых с кандидатской степенью по специальности история Эстонии, было заполнено три аспирантских места.

Вновь на повестку дня серьезно встал вопрос о преподавании истории в средней школе. В 1945 г. были организованы летние курсы учителей истории, на которых Р. Клейс, Я. Конкс и Х. Моосберг прочитали в общей сложности 100 часов лекций по истории СССР и Эстонии. Тем же летом планировалось составление нового учебника истории Эстонии (авторы Х. Круус, Х. Моора, А. Вассар, Я. Конкс и Р. Клейс).⁵ Дело застопорилось, и учебника пришлось ждать еще многие годы. Но до 1950-х гг. постоянно издавались учебники истории СССР А. Панкратовой.

Академия наук ЭССР по советскому образцу быстро стала крупным научным центром со множеством исследовательских институтов. В 1947 г. в Тарту был создан Институт истории (директор Рихард Клейс, зам. директора – Хильда Моосберг) с тремя отделами: сектор истории Эстонии (заведующий Артур Вассар), сектор археологии (заведующий Харри Моора) и сектор истории искусства (заведующий Вольдемар Вага). Главной задачей института стало составление новой истории Эстонии, поскольку старые не годились и были в срочном порядке удалены из обращения. В том же 1947 г. в Таллинне начало работу учреждение чисто советского типа – Институт истории партии ЦК КПЭ, филиал Института марксизма-ленинизма ЦК КПСС. Директором стал приехавший из России работник ЦК партии Иван (Йоханнес) Кэбин, член партии с 1927 г., его заместителем – член партии с 1921 г. Йозеп Саат, много лет проведший в политической тюрьме в ЭР. Основными задачами этого учреждения были перевод на эстонский язык произведений классиков марксизма-ленинизма и исследование истории КПЭ.

⁵ Подробнее См. Н. Moosberg. TRÜ ajaloo-osakonna nõukogulikuks kujunemine 1944–1946. Mälestuskilde ja mõtisklusi. – Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi VII. Tartu, 1979, lk. 134–151.

Тем самым в Эстонской ССР были созданы необходимые организационные условия для работы в области истории. Однако на протяжении всех лет советской власти не был организован выпуск научно-исторического журнала. Довольно много исторических статей, освещавших новейшую историю с «верных» партийных позиций, публиковал партийный журнал *Eesti Bolševik* («Большевик Эстонии»), вначале выходивший дважды в месяц, а с 1952 г., когда он был переименован в *Eesti Kommunist* («Коммунист Эстонии»), раз в месяц. Книги пропагандистского толка, главным образом, по темам новейшей истории выходили в издательстве «Политическая литература» в Таллине.

Заниматься историей было нелегко. Сталинская партийная идеология устанавливала в этой области четкие границы, преступать которые не дозволялось. Историческая мысль могла развиваться лишь в узких рамках, установленных марксизмом-ленинизмом. Историю следовало расчленять по общественно-экономическим формациям, на основании которых следовало создать и научную периодизацию истории Эстонии. В исследовательских работах следовало сосредоточиваться на классовой борьбе и непреодолимом противоречии капитализма и социализма, что в новейшее время означало разоблачение империалистических и буржуазно-националистических махинаций. Серьезного рассмотрения стала требовать тема исконной дружбы эстонского и русского народов на фоне усилившихся в годы Великой Отечественной войны антинемецких настроений. В исторических произведениях немцев стали называть «захватчиками», «псами-рыцарями», «интервентами», «фашистскими оккупантами».

Особенно ограничены были возможности в области новейшей истории, все имевшиеся по этой теме разработки уже в 1940 г. вошли в список запрещенных книг. Многотомные «История Эстонии» и «История эстонского народа» были включены в этот список в 1945–1947 гг.⁶ Рассмотрение новейшей истории полностью зависело от пропагандистских уста-

новок сталинских партийных руководителей. Кроме того, она была непосредственно связана с сегодняшним днем, который уже завтра становился историей. Партия четко отбирала актуальные события – что можно было отражать в публичном слове, что нет. Все неподобающее подлежало забвению, оно не должно было доводиться до сведения общественности и входить в историю. Так, ни в газетах, ни на радио не было речи о массовых арестах и допросах, многочисленных преступлениях и несчастьях, о «мешочниках», которые приезжали в Эстонию из близлежащих областей России и увозили хлеб и продукты на продажу, о сотнях и тысячах запрещенных и уничтоженных книг, о строжайшей предварительной цензуре печатного слова. В советской стране не происходило даже природных катастроф, они стали уделом капиталистического мира. О «лесных братьях» до общественности доходили отдельные сообщения как о борьбе с «бандитами». Правильным считалось не говорить об американской помощи, которую видели все – от верениц грузовых «студебеккеров» в обозах Красной Армии до продающегося в магазинах яичного порошка. Никто не объяснял сложной многоступенчатой системы карточек на продукты и товары первой необходимости, которая строилась на простом принципе: чем выше пост, тем больше возможностей для дешевых покупок. Попавших в немилость деятелей иногда громко «разоблачали», но чаще они пропадали тихо и бесследно, словно их и не было. Полжизни было засекречено, хотя все становилось в большей или меньшей степени известно и передавалось в виде слухов из уст в уста. Возникла советская двойная мораль, в которой цинично переплелись ложь, страх за собственную шкуру, притворство и подакивание власть предержащим.

Это двойное видение – открытое и тайное – неизбежно переносилось и на новейшую историю, имевшую для нового режима первостепенное пропагандистское значение. Народу следовало представить героический путь борьбы коммунистической партии и объяснить реакционный классовый характер правившей в Эстонии «буржуазной клики».

⁶ К.-О. Veskimägi, *op. cit.*, lk. 118, 171.

Большие трудности при этом создавало то обстоятельство, что имена всех ведущих эстонских коммунистов, казненных в 1930-е гг. в ходе сталинских чисток, были под запретом. Табуированным было и имя Карла Сяре – центральной фигуры довоенной Эстонской ССР, первого секретаря ЦК КП(б)Э. Арестованный немцами в первые дни войны, он оказался предателем. Врагов можно было ругать поименно, попавших в опалу своих нельзя было даже называть. История партии стала, таким образом, рядом событий с анонимными действующими лицами, среди которых в одиночестве возвышался казненный эстонской буржуазией в 1922 г. Виктор Кингиссепп. Рядом с ним можно было возвышать немногих других, «вовремя» ставших жертвами в Эстонии. Естественно, важное место заняла проведенная в свое время (1901–1904) в Эстонии партийно-строительная работа представителя дружественного русского народа, председателя Президиума Верховного совета СССР Михаила Калинина.

Указанная нехватка имен выявилась в юбилейном издании «Пять лет Советской Эстонии» (1945), изданном под редакцией Й. Саата тиражом 15000 экземпляров явно в пропагандистских целях. Во вводной статье Х. Аллика «Трудовой народ Эстонии в борьбе за советскую власть в 1917–1920 гг.», кроме Кингиссеппа, можно было назвать лишь трех таллинских красногвардейцев, павших жертвой балтийских баронов и эстонских белогвардейцев 10 декабря 1917 г. при захвате трудящимися мызы Пюсси в Вирумаа: Михкель Айтзам, Юри Кальмус и Людвиг Имберг. В статье П. Кеэрдо «Борьба трудящихся Эстонии за советскую власть в годы буржуазной Эстонии» рядом с лидером трудящихся Кингиссеппом, преданным провокатором Линкхорстом, встает закаленный большевик Яан Томп, приговоренный в 1924 г. к смерти за то, что в зале суда выкрикнул: «Да здравствует правительство трудового народа!», и упоминается расстрел товарища Лейнера в 1927 г. Цитировалась и статья Н. Каротамма о восстании 1 декабря 1924 г., опубликованная в 1934 г. в журнале «Классовая борьба». В том же духе и в большинстве своем на очень скромном научном уровне была написана и серия книжек

и статей Яана Сеппа (Даниэля Руднева), Йоозепа Саата, А. Гронского и других. Среди них блистал искусным словом переизданный в 1946 г. памфлет Виктора Кингиссеппа «Кому независимость, кому – иго» (1919). В духе времени в публичных библиотеках пришлось вырезать из этой книжки предисловие Н. Каротамма, когда в 1950 г. он был снят с поста руководителя партии.

Особенно важно было следить за тем, чтобы аннексия всех стран Балтии Советским Союзом летом 1940 г. рассматривалась как восстановление советского строя, получившего начало в 1917 г., и добровольное присоединение, к которому привели местные революционные события. Благодаря тому, что 17 июня в Эстонию прибыли дополнительные части Советской армии, 21 июня произошло давно вызревавшее революционное выступление эстонского пролетариата. Ближайший соратник Сталина Андрей Жданов прибыл в Таллин за пару дней до этого только затем, чтобы проконтролировать выполнение властями Эстонии требований советского правительства. Следовало тщательно разработать трактовку тогдашней революции, чему сопутствовал многолетний и многомудрый спор партийных историков стран Балтии о том, началась ли в июне общедемократическая революция, лишь в середине июля переросшая в социалистическую, или же она с самого начала была социалистической. Эта серьезная проблема была окончательно решена только в мае 1969 г. на совместном заседании Академии наук СССР и академий Прибалтийских республик, на котором верной была признана последняя точка зрения.

Прояснение «исторической классовой сущности эстонской буржуазной идеологии» на высшем идейно-теоретическом уровне взял на себя дальневосточный эстонец, универсальный ученый Густав Наан, который вдобавок к приобретенной в Ленинградском университете специальности физика получил в Москве высшее партийное образование. В 1945–1946 гг. он опубликовал в «Большевике Эстонии» три статьи, которые были затем изданы издательством «Политическая литература» под общей обложкой «направляющего» сборника «Реакционная сущность идеологии эстонских буржуазных националистов» (1947, 128 с.). Во

введении Наан в истинно сталинском духе подчеркивал основные принципы своей работы: «Буржуазно-националистическая идеология была и есть глубоко враждебна народным массам. Буржуазные националисты – кровные враги эстонского народа, они выступали от имени эстонского народа, но в действительности предали его жизненные интересы балтийским баронам и российскому самодержавию, немецким оккупантам и интервентам Антанты, они превратили Эстонию в вассала буржуазного Запада и сами наконец стали пособниками фашистских людоедов и палачами своего народа, а их остатки пытаются теперь помешать творческому труду свободного народа». Первая и самая длинная статья сборника «Возникновение эстонской нации и национального движения» на базе классического сталинского определения нации⁷ давала глубокий теоретически обоснованный анализ формирования эстонской нации, национальной идеологии и характера, причем в статье обильно и остроумно цитировались исторические работы времен Эстонской Республики (Николай Кэстнер, Юхан Вазар, Ханс Круус, «История эстонского народа», «Роль книги в истории Эстонии» и др.). По поводу подраздела «Замечания о возникновении эстонского национального движения» он даже отмечает, что она «опирается, по крайней мере в фактической части, на цитируемое ниже исследование Х. Крууса» (с. 45). Все это указывает на довольно широкий охват соответствующей литературы, что для тогдашних эстонских идеологов, несомненно, было явлением редким. Явно более пропагандистскими были две остальные статьи: «О развитии эстонского буржуазного национализма» и «О рождении эстонской буржуазной независимости». Из них последняя по сути – советский парафраз известной книги Эдуарда Лаамана «Рождение независимости Эстонии» (1936). Все это венчала мораль: «2 февраля 1920 г. мирный договор был подписан. Закончилась война, которую буржуазные националисты фари-сейски называли «освободительной войной»

«за независимость», которая в действительности была войной против независимости и свободы нашего народа и государства. Истинную самостоятельность и независимость эстонский народ завоевал лишь через 20 лет, в 1940 г., 21 июля». Благодаря рассматриваемой книге, Густав Наан стал ведущим советским историком, в 1950 г. – директором Института истории, а в 1951 г. – академиком и вице-президентом Академии наук Эстонской ССР.

Наряду с Нааном, на поприще историко-идеологического разоблачения буржуазного национализма выделялся и Пауль Вихалем, окончивший в 1930 г. Тартуский университет подающим надежды специалистом по административному и трудовому праву. Вихалем входил в число «июньских красных» 1940 г., а во время войны работал на различных высоких должностях советской администрации, в том числе в 1941–1946 гг. был наркомом труда Эстонской ССР, затем перешел, в основном, на научную работу. Первым его историческимopusом была статья «Как Юри Улуотс и другие буржуазные националисты фальсифицировали историю эстонского народа» («Eesti Bolševik» 1946, № 1, с. 6–16), в которой он рассматривал тему с позиций истории права. Основной тезис Вихалема сводился к следующему: господствующие «буржуазные националисты» во главе с Улуотсом пытались доказать, что в XIII веке в Эстонии на основе договора о подчинении местная власть перешла к немцам, которые «законно» ее сохраняли вплоть до XX века, каждый раз подкрепляя ее соответствующими договорами (привилегиями?) с новыми завоевателями до тех пор, пока, наконец, на основании соответствующего договора власть была передана в руки эстонской буржуазии, в глазах которой революционная власть большевиков была незаконной. Вывод ясен: «Тем самым Улуотс и буржуазные националисты оказываются ни кем иными, как фальсификаторами истории, злейшими врагами эстонского народа». В том же духе выдержаны и другие статьи Вихалема, например, «Об антисоветской

⁷ «Нация – историческая общность людей, складывающаяся в ходе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, некоторых особенностей культуры и характера, которые составляют её признаки».

ориентации общественных наук буржуазной Эстонии» («Eesti Bolševik» 1948, № 11), «Как американские империалисты использовали эстонских буржуазных националистов в интервенции против Советского Союза» («Eesti Bolševik» 1949, № 11) и др. Подобные «исследования» легли в основу книг Вихалема, вышедших уже позднее: «Эстонская буржуазия в услужении империалистов» (1960), «Выборы в буржуазной Эстонии» (1963), «Переход эстонской буржуазии в услужение к немецкому фашизму» (1971).

Сам Ханс Круус сказал в послевоенные годы решающее слово в переоценке ближайшей истории Эстонии. Большинство его статей публиковалось в газетах. Будучи наркомом иностранных дел, он дал «марксистскую оценку внешней политике буржуазной Эстонии» на научной сессии Тартуского университета летом 1945 г. Его доклад публиковался в нескольких номерах газеты «Postimees» 25–31 июля 1945 г.⁸ В газете «Rahva Hääl» (04.–09.01.1946) была опубликована другая пространная статья – «Как замышлялась последняя конституция буржуазной Эстонии». Прочитанный на университетской научной сессии в 1946 г. доклад «Фальсификация эстонской истории немецкими оккупантами и их пособниками» публиковался в двух газетах – «Rahva Hääl» (12.12.1946) и «Postimees» (14.12.1946).

Несколько более далекому прошлому, любезному сердцу Крууса национальному пробуждению, был посвящен доклад «Эстонское движение национального пробуждения в стремлении к близости с Россией», прочитанный в 1948 г. на сессии Академии наук (ENSV Teaduste Akadeemia. Teaduslik sessioon 14.–17. aprillil 1948. a. Üldistungid. Tallinn, 1949, с. 101–141).

Когда в 1947 г. в противовес вышедшему во время немецкой оккупации анонимному «Году страданий эстонского народа» был выпущен сборник М. Лаоссона, Э. Пялля и Ю. Саата «Немецко-фашистская оккупация в Эстонии в 1941–1944 гг.» (575 с., 12 200 экз.), в него были включены и две статьи Х. Крууса:

вводная статья «О борьбе эстонского народа против немецких оккупантов в прошлом» (о событиях с XIII века до немецкой оккупации 1918 г.) и уже упоминавшаяся «Фальсификация эстонской истории немецкими оккупантами и их пособниками». Их даже не вырезали позже из книги, как пришлось поступить со статьей «Борьба эстонского народа против фашистских оккупантов», написанной руководящим партийным работником Виллемом Куузиком, после того как в 1952 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к 25 годам тюрьмы.⁹

Стоит особо отметить статью Х. Крууса «Создание эстонского буржуазного государства как путь классово-борьбы и реакции против Великой Октябрьской социалистической революции» («Rahva Hääl» 02.–03.11.1946). Статья стала реакцией на резкое изменение внутривластного климата в результате недавних идеологических постановлений ЦК ВКП(б), в связи с чем Крууса, вероятно, попрекали прежними «буржуазными» позициями в вопросах истории. Сам Круус в своей статье говорит: «Само собой разумеется, что соответствующие выводы из этих жизненно важных, всячески приветствуемых решений должны сделать и работники нашей науки, особенно общественных наук». Стоит процитировать ту часть статьи, в которой Круус раскрывает свои прошлые ошибки. Он указывает, что, с точки зрения буржуазии, кровавую классовую или гражданскую войну 1918–1920 гг. «стремились изобразить «национальной борьбой», «освободительной войной». И продолжает: «Это насквозь ложная буржуазно-националистическая позиция была в свое время присуща и автору этих строк. Особо вредные следы в сознании широкой общественности оставила в этом смысле заключительная часть книги «История Эстонии новейшего времени II» (вышла в 1928 г.), посвященная эпохе революции 1917 г. и последовавшей за ней гражданской войне в Эстонии. Эта часть была издана на немецком и французском языках и в сокращенном виде вошла в «Эстонскую энциклопедию».

⁸ Ср.: H. Kruus. Kodanliku Eesti diktatuurivõimu välispoliitika 1939–40. – Eesti Bolševik 1947, № 9.

⁹ В. Куузик был членом партии с 1924 г., в 1930–1938 гг. сидел в буржуазной тюрьме, работал третьим секретарем ЦК КПЭ в 1946–1951 гг. (см. Akadeemia 1998, nr. 12, lk. 2677).

Спустя много лет во время написания этих строк снова листаю свою работу и удивляюсь, в какой чуждой мелкобуржуазной перспективе были написаны все эти страницы. Мною овладевает сожаление, что так поздно появилась возможность познакомиться с основополагающими трудами по марксизму-ленинизму и с их помощью верно понять исторический процесс развития, а значит, верно понять и ту борьбу, которую буржуазная терминология окрестила борьбой за «независимость» Эстонии и «Освободительной войной».¹⁰

Все же будет мало охарактеризовать эту работу как только проявление мелкобуржуазной близорукости. Основная ошибка кроется гораздо глубже. Она коренилась в той ложной концепции классово-борьбы и государства, которая господствовала в эстонском буржуазном обществе и привела автора этих строк на ложные позиции в осмыслении и рассмотрении событий 1917–1920 гг. [...]

Совершенные ошибки и заявленные ложные точки зрения нельзя и невозможно оправдать их простым перечеркиванием. Их следует подвергнуть серьезной критике и переоценке, а полученные результаты займут место прежних превратных и ошибочных толкований. Ниже автор этих строк представит несколько страниц из произведения, написанного три года назад в дни Великой Отечественной войны в советском тылу, о своих новых представлениях о событиях 1917–1920 г. в Эстонии. [...] Отдавая эти страницы на суд общественности, автор ничего не желает столь страстно, как только того, чтобы они помогли убрать и устранить те остатки и обломки буржуазно-националистической идеологии, которые еще проявляются то тут, то там в сознании наших людей. Все это для того, чтобы вместо этих руин поднялось и укрепилось новое советское сознание, которое поведет наш народ вперед к светлому будущему, к новым высотам, высотам социализма и коммунизма!»

Этот опус обозначил первые такты в борьбе, которая, все обостряясь, через три года закончилась увольнением, исключением из

партии и тюремным заключением президента Академии наук ЭССР и министра иностранных дел Ханса Крууса как буржуазного националиста. Начинаясь один из самых мрачных периодов истории Советской Эстонии, который, кроме высылки, ознаменовался и широкомасштабными чистками в рядах интеллигенции, при этом большую часть эстонской «буржуазной» культуры выбросили «на свалку истории». По примеру президента АН, многим другим ученым, сформировавшимся в буржуазной Эстонии, пришлось опубликовать статьи, переоценивающие их прежние взгляды и деятельность. Ближайший коллега и сотрудник Крууса Рихард Клейс в статье «Советское общество и «Эстонская энциклопедия»» («Rahva Nääl» 19.12.1947) объявил издававшуюся в 1930-е гг. под его редакцией энциклопедию совершенно не подходящим для советского читателя и вредным произведением с ее «буржуазными ложными концепциями, преклонением перед западной реакционной наукой и вырождающейся культурой, игнорированием или неверным освещением достижений науки и культуры Советского Союза». Он подчеркивал, что советским трудящимся нужна новая энциклопедия Советской Эстонии. Прошло время, и двадцать лет спустя в 1968 г. вышел первый том «Эстонской советской энциклопедии», на обороте титульного листа которого в качестве заместителя главного редактора (Густав Наан) фигурировал Р. Клейс.

Статья Харри Моора «Эстонская буржуазная историческая наука на службе правящей клики эксплуататоров» («Rahva Nääl» и «Edasi» 28.10.1949) вновь разоблачала реакционный характер либерально-буржуазного течения в среде историков буржуазной Эстонии с примерами из его собственной работы о древности в I томе «Истории Эстонии» (1935); при этом Моора отмечал, что его публицистические статьи своего времени, к сожалению, «напрямую поддерживали устремления правящей клики эксплуататоров». Еще страшнее автору было вспоминать, что он «некоторое время входил в такую черносотенную организацию

¹⁰ Напомним, что уже в начале 1941 г. Круус публично дал «верную марксистско-ленинскую оценку» Освободительной войне как «классовой войне». См. выше.

Ханс Круус среди депутатов Верховного совета Эстонской ССР, избранных 16 февраля 1947 г. («Pilt ja Sõna» 1947, № 2/3). В верхнем ряду третий—депутат Макс Лаоссон, который особенно ярко обличал буржуазно-националистическую суть Крууса на мартовском пленуме КП(б) Эстонии 1950 г. (см.: «Akadeemia» 1999, № 6, lk. 1312–1336).

как ERK [Клуб эстонских националистов. — А. В.], из которой вышел лишь тогда, когда она стала показывать свое чисто фашистское лицо». «Все эти крупные ошибки я стал осознавать тогда, когда стал углубляться в побеждающие истины марксизма-ленинизма».

В 1950 г. Рихарда Клейса уволили с поста директора Института истории, а его место занял Г. Наан. В том же году в Тартуском университете отменили профессию как по эстонской истории, так и по археологии (они были восстановлены только в 1990 г.). Х. Моора все же сохранил место заведующего сектором археологии Института истории. В 1957 г. он был избран академиком Академии наук Эстонской ССР. Р. Клейс с 1954 г. работал в Тартуском университете доцентом. Судьба Ханса Крууса не была такой легкой. После четырехлетнего тюремного заключения в ходе «предварительного следствия» в Эстонии его видеть не хотели. В 1955 г. он получил место старшего

научного сотрудника в Институте истории Академии наук СССР в Москве, откуда лишь в 1958 г. смог вернуться на то же место в Институт истории АН ЭССР. Одновременно был восстановлен и его статус академика (полученный в 1946 г. титул члена-корреспондента АН СССР отменен не был).

Важную роль в реальной жизни играл вопрос о дружбе эстонского и русского народов. Уже весной 1945 г. историческая дружба эстонского и русского народов стала темой популярной лекции Р. Клейса.¹¹ В прояснении сути вопроса помощь оказали молодые русские ученые Наталия Казакова и Игорь Шаскольский, книгу которых «Русь и Прибалтика (IX—XVII вв.)» (128 с.) в том же году тиражом 10 000 экземпляров выпустило Ленинградское издательство политической литературы. Переведенная на эстонский язык с некоторыми изменениями она стала брошюрой Ю.(!) Шаскольского «Исторические

¹¹ H. Moosberg, *op. cit.*, lk. 138.

связи русского народа с народами Прибалтики в IX–XVII вв.» (87 с.), которую издательство «Политическая литература» издало в Таллинне в 1946 г. под редакцией Й. Саата в количестве 7200 экземпляров. Русскоязычный источник в ней почему-то не указан, как не указано и то, что брошюра переводная. Однако на обороте титульного листа значилось, что 3-я глава написана совместно с Н. Казаковой. Рассмотрение исторических связей начиналось в брошюре с раннего участия эстонцев в русской государственности и заканчивалось присоединением Прибалтики к России Петром Первым, одним из результатов которого, подчеркивает автор, стал 200-летний мир для эстонского и латышского народов после длившихся столетиями войн. Этот тезис долгого мирного периода, который верноподданнически повторялся в Эстонии с XIX века, начиная с Отто Вильгельма Мазинга,¹² снова занял надежное место в обзорах истории Эстонии.

Для теоретического обоснования дружеских связей очень важной считалась, как видно, книга А. Панкратовой «Наша великая Родина» (1946), дававшая сжатый обзор «героического прошлого русского народа», в ходе которого сложилась и «братская семья народов Советского Союза». В 1948 г. эту книгу под названием «Героическое прошлое нашей Родины» издавали в переводе на эстонский язык трижды (в общей сложности в 45 200 экз.) и в 1949 г. переиздали под названием «Великое прошлое советского народа» (10 000 экз.).

Весной 1947 г. Р. Клейс на научной сессии Академии наук ЭССР выступил с программным докладом «Задачи исследований в области истории русско-эстонских отношений», в котором, кроме историков, ставил задачи и языковедам, этнографам, фольклористам, искусствоведам и литературоведам. Там же Х. Моора со своей стороны дал обзор «Об эстонско-русских отношениях в IX–XIII веках».¹³ Оба докладчика указывали на роль

первопроходца И. Шаскольского в рассмотрении вопроса. Сразу же началась широкомасштабная исследовательская работа, первые итоги которой были подведены в апреле 1948 г. на второй научной сессии академии в Таллинне, где историю представляли А. Попов (Ленинград), Х. Круус и П. Вихалем, языковедение – Пауль Аристе, фольклористику – Р. Вийдалепп и Х. Тампере, этнографию – Алийзе Моора, литературоведение – Бернард Сёэт и Алисе Хаберман. Подводя итоги сессии на страницах журнала «Лооминг», Ф. Роозе пришел к выводу, что ее доклады «продемонстрировали широкой общественности, насколько были перевернуты с ног на голову и безответственно сфальсифицированы факты в работах балтийских немцев, историков буржуазной Эстонии и гитлеровских «ученых» в попытках, с одной стороны, извратить истинные связи эстонцев и русских, а, с другой, – закрепить различные легенды о западной ориентации, которые позже трансформировались в фашистскую легенду об «общности судеб» эстонского и немецкого народов».¹⁴

В планы академии был включен трехтомный сборник «Эстонско-русские связи с исторической точки зрения», которому не суждено было выйти в последовавшие смутные времена, хотя работа в этом направлении в следующее десятилетие продолжалась. Однако в 1950 г. была издана книжечка А. Гронского и О. Рисса «Из истории дружбы русского и эстонского народов» (91 с.), в которой, наряду с ранней историей, больше внимания уделялось событиям XX века. Стоит еще отметить, что в том же году была создана работа молодого скульптора Олава Мянни «Князь Вячко и Меэлис в обороне Тарту в 1224 г.», рельефное изображение которой использовано в оформлении обложки первого тома большой «Истории Эстонской ССР» (1955).

Большие трудности возникли с периодизацией эстонской истории. Для ее составления была создана комиссия, в состав которой

¹² См. A. Viires. Eestlaste ajalooteadvus 18.–19. sajandil. – Tuna 2001, nr. 3, lk. 27.

¹³ См. Teaduslik sessioon 23.–29. aprillini 1947. E. Ühiskonnateaduste osakonna istungid. Tartu, 1948, c. 3–19 (R. Kleis) и 20–48 (H. Moora).

¹⁴ F. Roose. Eesti ja vene rahva sõprussidemed. – Looming 1948, № 6, lk. 740.

входили Ханс Круус, Артур Вассар, Абе Либман (зав. кафедрой истории Республиканской партшколы) и Густав Наан. Первоначальные итоги работы комиссии в виде плана периодизации были опубликованы в «Большевике Эстонии» (1948, № 17) в неподписанной статье «О периодизации эстонской истории», в которой были перечислены члены комиссии (через несколько лет Круус в их числе уже не упоминался). Как следует из речи директора Республиканской партшколы Лидии Ламбакахар на пресловутом VIII пленуме ЦК партии (март 1950 г.),¹⁵ выходу статьи предшествовали серьезные закулисные интриги. В январе 1948 г. Либман и Наан, якобы, представили в редакцию «Большевика Эстонии» свою статью с некоторой критикой взглядов Крууса. Узнав об этом, Круус сделал все, чтобы статья не появилась, и организовал статью А. Вассара в свою поддержку. В результате не была опубликована ни одна статья, а осенью план периодизации истории Эстонии по взаимной договоренности наконец ушел в печать без какой бы то ни было критики позиций Крууса. К сожалению, неясно, в чем именно заключалась эта критика. Если сопоставить план 1948 г., например, с оглавлением «Истории Эстонской ССР», вышедшей под редакцией Г. Наана в 1952 г., то границы исторических периодов в общем совпадают, хотя имеются некоторые различия в названиях. Самое существенное, возможно, то, что в первоначальном плане не упомянута роль российской государственности в истории Эстонии IX–XIII веков, которая ясно заявлена в книге в заглавиях второй и третьей глав.

Значит, снова встала проблема исконности эстонско-русской дружбы? На это может указывать и то обстоятельство, что уже годом ранее «Большевик Эстонии» (1947, № 5) опубликовал в порядке дискуссии статью И. Шаскольского «Начальный период политической истории эстонского народа», в которой обосновывалась теория о том, что большая часть Эстонии находилась в зависимости сначала от Киевской Руси, затем от Новгорода. Никакой открытой дискуссии не последовало. Однако вопрос о периодиза-

ции истории Эстонии еще некоторое время обсуждался. Летом 1952 г. была организована сессия АН ЭССР на соответствующую тему, в которой приняли участие историки РСФСР и других «братских республик». Затем была издана отдельная книга «О периодизации истории Эстонской ССР» (1954, 88 с.), в которой соответствующие точки зрения представляли Х. Моора (первобытно-общинный строй), А. Вассар (феодальная эпоха), Ю. Саат (капиталистическая формация) и В. Маамяги (социалистическая формация). Результаты долгой работы должны были бы появиться во втором, основательно переработанном издании «Истории Эстонской ССР» (1957, по-прежнему под редакцией Г. Наана), однако, в общем плане никаких различий не было, изменения внесены, в основном, лишь в формулировки.

Рассмотрим также составление общего обзора истории Эстонии, которое с самого начала считалось очень важным делом, особенно с точки зрения школьного преподавания, поскольку старые учебники по этому предмету не годились. Почему это дело в конце 1940-х гг. никак не налаживалось? Вероятно, довольно рано проявились серьезные разногласия между Х. Круусом и «партийными историками», поэтому работа затопорилась. Когда с Круусом расправились, через два года в издании Института истории АН ЭССР и под редакцией Г. Наана вышла и «История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней)» (1950, 484 с., 15 000 экз.), авторами были Х. Моора, А. Вассар, Х. Моосберг, Г. Наан, Й. Саат и В. Маамяги (по порядку рассматриваемых исторических этапов). Обращает на себя внимание тот факт, что начиная с этой книги, история Эстонии стала «Историей Эстонской ССР». Примером, разумеется, послужила известная советская модель, по которой история России сразу же после падения школы Покровского заменилась историей СССР, так как советская власть представлялась «вершиной и целью исторического развития», подготавливаемой всей предшествующей историей. Из предисловия книги следует, что она была, в числе прочего, предназначена для использования в качестве учебного материала

¹⁵ См.: Akadeemia 1999, nr. 8, lk. 1783–1784.

в высших и средних школах Эстонской ССР.

О том, что изначально книга действительно задумывалась как учебник, можно судить по названию макета – «История Эстонской ССР. Учебник для средней школы», напечатанного в 1951 г. в 300 экземплярах. Он распространялся среди заинтересованных инстанций и лиц для оценок и предложений. В предисловии макета ясно говорится, что работа выполнена в соответствии со сделанным ЦК КП(б) Эстонии в сентябре 1950 г. Институту истории распоряжением составить учебник истории Эстонской ССР для средней школы. В качестве учебника макет завершается итоговой главой «Чему учит история Эстонской ССР», не включенной в более позднее издание. Основные фразы напечатаны жирным шрифтом, и их стоит привести здесь в качестве характерной для эпохи морали:

«История Эстонской ССР учит нас обеспечивать дружбу народов и укреплять союз с великим русским народом. История Эстонской ССР учит, что буржуазные националисты, которые пытаются подорвать дружбу народов, являются злейшими врагами эстонского народа. [...]

История Эстонской ССР и пример лучших сынов и дочерей эстонского народа учат самоотверженно трудиться на благо народа, для процветания своей великой Родины, не щадя сил бороться за победу коммунизма. [...] История Эстонской ССР учит, что за все свои достижения мы должны благодарить большевистскую партию. Будем до конца верны партии большевиков, партии Ленина–Сталина, которая ведет нас от победы к победе!»

Хороший – в сталинском стиле – обзор развития эстонской истории в 1940-е гг. дает статья Виктора Маамяги и Артура Вассара «Десять лет исторической науки в Советской Эстонии», напечатанная в представительном сборнике АН ЭССР «Развитие советской науки в Эстонской ССР в 1940–1950 гг.» (1950,

с. 11–42). Аргументация статьи с полной ясностью выявляет, что основной задачей Х. Крууса и других буржуазных историков «в годы буржуазной диктатуры было оправдать буржуазное эстонское государство, изобразить его конечной целью всего предшествующего исторического развития», при том, что, в действительности, конечной целью предшествующего исторического развития была Эстонская ССР в составе Советского Союза в исконной дружбе с великим русским народом. Самым выдающимся эстонским историком-марксистом был Виктор Кингиссепп, а исследование эстонской истории стало развиваться «поистине свободно только в Советском Союзе», где создались условия, противоположные «условиям террора» в «буржуазной республике». Когда же трудящиеся Эстонии в 1940 г. восстановили советский строй, отдельным буржуазным историкам во главе с Х. Круусом удалось захватить в свои руки важные командные пункты на историческом фронте. А когда товарищ Сталин своей личной подписью 19 января 1946 г. заложил основы Академии наук Эстонской ССР, что обеспечило развитие истинно советской науки в Эстонии, «буржуазные историки всех мастей» пытались по-прежнему выдавать себя за единственных исследователей эстонской истории, «чтобы обмануть и усыпить народ своими буржуазно-националистическими историческими исследованиями». Они сделали все, чтобы саботировать благородные цели и отделить историю Эстонии от истории Советского Союза, в которую она органически входит. «Наследие подобной враждебной истории до сегодняшнего дня проявлялось в Эстонской ССР в виде вредных, тормозящих развитие пережитков. [...] Поэтому по-большевистски острая борьба против буржуазного национализма в исторической науке является важнейшей задачей ученых-историков».¹⁶

¹⁶ Еще острее те же авторы трактуют тему в газетной статье «Враждебная деятельность эстонских буржуазных националистов в области исторической науки» (*Rahva Hääl* 28.04.1950, nr. 102), появившейся через месяц после пресловутого мартовского пленума. В статье авторы, между прочим, подчеркивают, что Х. Круус монополизировал монографическую тему «Эстонское буржуазное государство 1918–1940 гг.». Исследование было даже включено в издательский план 1948 г., но не вышло. «Период буржуазной диктатуры, ядовитые пережитки которой острее всего проявляются в условиях острой классовой борьбы в Советской Эстонии, ►

Остается лишь добавить, что получивший перед войной историческое образование в Ленинградском университете Виктор Маамяги стал в 1951 г. директором Института истории АН ЭССР после ушедшего на повышение Г. Наана. Стоит отметить, что Маамяги опубликовал в 1953 г. уничтожающую рецензию на рассматривавшуюся выше книгу М. Оямаа и А. и Т. Вармас «История Эстонии» (Стокгольм, 1946) под названием «Голос со свалки истории» (*Eesti Kommunist* 1953, № 6, с. 58–63), видимо, не подозревая, что настоящий автор книги работает в его непосредственном подчинении. «Эта книга не имеет ничего общего с наукой. Это грязный пасквиль, от корки до корки заполненный фальшивками и бесстыдной клеветой на эстонский и русский народы, на Советский Союз. История эстонского народа в ней невероятно сфальсифицирована». Через несколько лет Харри Моора опубликовал сборник «Из этнической истории эстонского народа» (1956), вызвавший серьезный интерес и принесший ему признание как на родине, так и за рубежом.

Великий вождь и учитель народов Советского Союза товарищ Сталин умер в 1953 г., как, к несчастью, умирают все люди. Вскоре Никита Хрущев разоблачил культ личности (правда, по традиции, полусекретно) и постепенно кое-что начало меняться. В новом издании «Истории Эстонской ССР», вышедшем в 1957 г. под редакцией Г. Наана, уже не было вызванных культом личности искажений. Были названы имена отсутствовавших в первом издании Николая Каротамма и командира Эстонского корпуса Лембита Пярна, можно было говорить в позитивном ключе о деятельности Яана Анвельта и Ханса Пегельманна, ранее лишь раз названных троцкистами. Не было даже указаний на искажающие историю деяния Ханса Крууса. И только по-прежнему не существовало

К. Сяре. Среди прочего сохраняла позиции и «буржуазно-националистическая диктатура в Эстонии» (1920–1940), которую лишь в 3-м томе «Истории Эстонской ССР» (1971, главный и исполнительный редактор В. Маамяги) заменили на «период реставрации капитализма в Эстонии», поскольку ее составной частью по-прежнему оставалась «фашистская диктатура» (1934–1940). В общем, историческая наука в Советской Эстонии довольно успешно обретала другое лицо. Правда, установленные в сталинский период исторические принципы оставались непоколебимыми вплоть до начавшегося в период горбачевской перестройки развала Советского Союза, до тех времен сохранялась и строгая партийная линия в рассмотрении новейшей истории.

Человек, как существо разумное, в состоянии приспособиться к любым условиям, созданным природой или им самим. Остается лишь вопрос: где находится нулевая точка приспособления, по одну сторону от которой начинается минус, а по другую – плюс?

Антс Вийрес

1918

Доктор исторических наук (1982), почетный.
Доктор Хельсинкского университета (1982).
Область исследований: эстонская народная культура.

► был тем самым исключен из области интенсивного исследования, его пытались превратить в монополию человека, который в качестве выдающегося националистического идеолога активно участвовал в укреплении и оправдании той самой буржуазной диктатуры на всем ее протяжении. Успешное воплощение плана означало бы по сути буржуазно-националистическую, враждебную рабочему классу оценку этого периода». В плане работ на 1949 г. Круус взял себе новую тему – «Внешняя политика буржуазной Эстонии в 1918–1940 гг.».